

Научная статья

УДК 821.161.1-3 + 94(470)“1990” + 316.733 + 316.74

doi 10.15826/tetm.2021.3.024

Образ 1990-х в книге С. А. Алексиевич «Время секонд хэнд»

Александра Сергеевна Лопата

Музей первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

lopata@ycenter.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7643-3668>

Аннотация. Статья посвящена памяти о трансформационных процессах 1990-х гг. их участников, жителей постсоветского пространства, ставших респондентами, а затем героями художественно-документальной книги С. Алексиевич «Время секонд хэнд». На основе памяти героев книги конструируется образ 90-х гг., который свидетельствует о культурной травме общества.

Ключевые слова: культурная травма, память, вербатим, представление, интервью, авторский метод, образ 90-х гг., современники, личные истории, ценности, конфликт, травматичный опыт, «маленький человек», советский человек, свобода, революция, катастрофа, гибель империи, «внутренний» социализм, идентичность

Для цитирования: Лопата А. С. Образ 1990-х в книге С. А. Алексиевич «Время секонд хэнд» // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 3. С. 73–81. doi 10.15826/tetm.2021.3.024.

Original article

The Image of the 1990s in the Book by Svetlana Alexievich «Secondhand Time: The Last of the Soviets»

Alexandra S. Lopata

Museum of the first president of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

lopata@ycenter.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7643-3668>

Abstract. The article focuses on the memory of the transformation processes of the 1990s. their participants, residents of the post-Soviet space, who became respondents, and then heroes of the fiction-documentary book by Svetlana Alexievich “Secondhand Time: The Last of the Soviets”. On the basis of the memory of the heroes of the book, an image of the 90s is constructed, which testifies to the cultural trauma of society.

Keywords: cultural trauma, memory, verbatim, performance, interview, author’s method, image of the 90s, contemporaries, personal stories, values, conflict, traumatic experience, “little man”, Soviet man, freedom, revolution, catastrophe, death of an empire, “Internal” socialism, identity

For citation: Lopata, A. S. (2021). *Образ 1990-х в книге С. А. Алексиевич “Время секонд хэнд”* [The Image of the 1990s in the Book by Svetlana Alexievich “Secondhand Time: The Last of the Soviets”]. *Tempus et Memoria*, 2, 3, 73–81. (In Russ.). doi 10.15826/tetm.2021.3.024.

© Лопата А. С., 2021

В статье рассматривается образ 1990-х гг., созданный в книге Светланы Алексиевич «Время секонд хэнд» на основе бесед автора с современниками событий. Анализируя данный образ, мы представим его через призму понятия культурной травмы.

Обратимся к теории культурной травмы, рассмотренной в рамках основанной профессором Департамента социологии Йельского университета Д. Александером [Александер] «сильной программы» культурсоциологии. В основе травмы лежит частное событие, получившее универсальную значимость. На примере современных западных обществ автор показал значение роли культурной травмы для социума: травма является фактором коллективного восприятия и участвует в формировании коллективных идентичностей. Изучив ряд исторических примеров, Д. Александер выделил такие механизмы, влияющие на построение символической конструкции травмы, как код, ритуал, драма, нарратив. Исследовав господствующие трактовки травмы, Д. Александер указал на их наивность в связи со слиянием травмирующего события, являющегося первопричиной травмы, и самой травмы, являющейся фактом коллективной жизни. Ученый утверждает, что объектом коллективной травмы является не совокупность индивидуальных травм, а связи между людьми и их культурные смыслы, именно они и претерпевают драматические изменения. По мысли автора, реальной силой и частью коллективной идентичности травма становится в условиях глобальных режимов коммуникации, так характерных для современности.

Переход личной травмы в коллективную является предметом изучения и американского социолога Роя Айермана. Он определяет травму через потерю прежней идентичности: «Культурная травма означает драматичную утрату идентичности и смысла, прореху в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности» [Айерман]. Р. Айерман, как и Д. Александер, смотрит на культурную травму не просто как на событие, а как на культурный процесс, в ходе которого трансформируются коллективная память и идентичность. Культурная травма — это «форма воспоминания, которая лежит в основе человеческой идентичности» [Там же]. Таким образом, идентичность — это

центральное понятие в разговоре о культурной травме. Когда прежняя идентичность сталкивается с травмирующей ситуацией, происходит фрустрация. Ее переживание становится частью травмирующего процесса. Состояние идентичности и травмирующая ситуация определяют возможность травмы. Но далеко не каждый частный опыт становится частью коллективной травмы и обретает свои символы: не обо всем принято говорить. По мысли Р. Айермана, травма является процессом, так как должна быть пережита, переосмыслена очевидцами и их потомками и должна стать частью их коллективной памяти, войти в систему взаимосвязанных образов. Дискурс травмы связан не с непосредственным восприятием травмирующего события, а с возвращением к нему и повторным его переживанием. Чтобы оценить травмирующее событие, понять его место в новой коллективной идентичности, создать новый нарратив, нужны дистанция и формирование языка, вербализующего травму.

Примером такого нарратива можно считать книгу «Время сэконд хэнд». Это одно из самых популярных произведений Светланы Алексиевич на Западе, что свидетельствует о том, что интерес к девяностым годам не является сугубо внутрисоветским. На постсоветском пространстве работа получила неоднозначные, зачастую полярные оценки. Некоторые читатели отказываются называть С. Алексиевич писателем, так как по профессии она журналист, характеризуют ее как антипатриотичного и антидержавного автора, обвиняют в западном влиянии и ориентации на европейского читателя. Другие же поддерживают решение наградить Светлану Алексиевич Нобелевской премией по литературе в 2015 г. за «многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время» и не согласны, что С. Алексиевич эксплуатирует травматичный опыт девяностых для очернения отечественной истории, — она показывает человека в экстраординарных обстоятельствах.

Размышления о содержании и послые книги разворачиваются в основном на страницах печатных и электронных СМИ. В «Независимой газете» [Тихонова] журналист Полина Тихонова ставит вопрос: сгущение красок — это поиск спасительной нити в водовороте

исторических потрясений или дань популярной «чернухе»? Однозначного ответа у автора статьи нет. Однако приводится признание Светланы Алексиевич, помогающее лучше понять замысел писательницы и ее авторский выбор сюжетов. По словам С. Алексиевич, в книге практически нет радостных картин, так как иначе «получилась бы чистая журналистика, “положительный пример”. Я прошла в этой книге по самому болевому и показала, что за всем этим стоит» [Тихонова].

В интервью С. Алексиевич «Российской газете» журналист Елена Яковлева [Яковлева] интересуется феноменом «красного человека» и тем, каким он предстает в драматичных исповедях героев книги «Время секунд хэнд». Отвечая на вопрос «Как расстаться с идеями “секунд хэнд”?», Светлана Алексиевич рассуждает о неготовности советского человека распоряжаться свободой: «В перестройку нам казалось: поговорим и будет свобода. Возникнет из воздуха, из разговоров за сухим вином. А оказалось, свобода — адская работа» [Там же]. В интервью «Медузе» Катерина Гордеева [Ты рядом...] удивляется, что в России далеко не все знают С. Алексиевич, в то время как в Европе именно из ее книг люди узнают о России в XX–XXI вв. С. Алексиевич считает, что для Европы более приемлем жанр многоголосой книги, где каждый выхватывает и запоминает для себя какую-то свою пронзительную вещь; единого сюжета нет, но есть множество различных точек, а в России литература еще очень традиционная и менее склонна к модерну.

Важно, что, отвечая на реплику журналистки, Светлана Алексиевич объясняет свой метод: из ста страниц интервью она выбирает только полстраницы, при этом старается, чтобы автор существовал прозрачно и не комментировал чужую правду. «Что же ты делаешь, автор! Ты рядом с этой котлеткой по значимости и не мечтай встать, а ты пишешь, пишешь», — говорит С. Алексиевич о «Блокадной книге», где автор комментирует эпизод из дневника Юры Рябинкина, когда тот мучается, взять или не взять котлету [Там же]. Анна Наринская на странице издания «Коммерсантъ» [Степень неготовности...] признается, что, читая «Время секунд хэнд», она спотыкалась о детали и демонстративные сюжеты, ловила себя на мысли, что все это слишком смачно,

в лоб и выглядит как банальность и фальшивка. Но все же Светлана Алексиевич ее победила. Журналистка критично высказывается о книге, например, что можно было бы более точно редактировать речь героев и не украшать ее, освободить текст от анекдотов и легенд о девятых или не подавать их как точные штрихи времени. При этом К. Гордеева считает, что, несмотря на отдельные «слабости», книга является сильной: «не так часто случаются книги, которые больше и сильнее своего замысла. А когда случаются — им многое можно простить» [Степень неготовности...].

Наиболее полярные размышления и отзывы о содержании книги можно найти на ресурсах, посвященных рецензиям [Рецензии на книгу...] и дающих возможность читателям оставить отзывы о книге [Время секунд...]. Помимо этого книга стала предметом изучения исследователей. В большой критической статье кандидат исторических наук Л. С. Перепелкин и доктор исторических наук А. В. О कोरोков [О कोरोков, Перепелкин] приходят к выводу, что художественная составляющая книги «Время секунд хэнд» преобладает над ее публицистической частью. Авторы находят в тексте С. Алексиевич русофобский налет и считают, что книга рождает в читателе чувство собственной неполноценности, что «вполне излишне для великого народа» [Там же, 92].

На наш взгляд интересной в данной работе представляется попытка классифицировать понимание свободы соотечественниками на основе анализа историй героев книги: свобода духовного развития как противовес материальному благополучию, свобода как политическая категория, как социальная угроза, как обман, как личное пространство, как эстетическая категория. Авторы статьи отмечают, что С. Алексиевич верно подметила, что, несмотря на общефилософское свойство понятия «свобода», представления о ней у каждого свои. В. Н. Крылов [Крылов] отмечает перспективность анализа книги с точки зрения исторической психологии и социологии истории, понимания истории с точки зрения личного опыта: «Есть качественно различные психологические позиции субъекта по отношению к историческому событию: участника, свидетеля, современника, наследника» [Там же, 252]. Т. Автухнович [Автухнович] говорит

о «терапевтической» стороне утопического сознания как защиты от травмирующего опыта истории. К. Гурска и А. Г. Коваленко [Гурска, Коваленко] рассматривают художественный конфликт в прозе С. Алексиевич как инструмент создания обобщенного образа времени XX столетия в его наиболее трагических проявлениях.

Жизнь гораздо изобретательнее любого писателя. Светлана Алексиевич, по ее признанию, не сразу нашла жанр, который позволил бы ей выразить свои мысли и отношение. На выбор жанра «говорящего народа» повлияла книга ее учителя Алеся Адамовича «Я из огненной деревни», содержание которой составили рассказы более трехсот непосредственных свидетелей хатынских трагедий. Первую книгу документально-художественного цикла «Голоса утопии» под названием «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич издала в 1983 г., а последнюю, пятую, книгу утопии, «Время секунд хэнд», — в 2013 г. Пятикнижие «Голоса утопии» представляет читателю реальные судьбы людей в авторской обработке. Книгу «Время секунд хэнд» называют «энциклопедией жизни» и «современной летописью». Она создана по методу вербатим (от лат. «дословно»). У понятия есть несколько значений:

1. Техника создания текста путем монтажа дословно записанной речи для создания документальных пьес и постановок.

2. Стиль документальных текстов, выражающийся в фонетических, лексико-синтаксических, композиционных и других особенностях, опосредованный речевыми дискурсами каких-либо субкультур [Якубова].

3. Тип документального театра, возникшего на рубеже XX–XXI вв.

Е. Г. Местергази выделил первичный и вторичный жанры произведений с документальным началом. К первичным жанрам ученый отнес биографию и автобиографию, мемуары и дневники, хронику, письмо, описание путешествий, а ко вторичным жанрам — документальную повесть, документальный рассказ, невыдуманную историю и т. д. [Местергази]. Вербатим-драматургия представляет собой сложный вторичный жанр, использующий в своей структуре жанры первичные. Текст в технике вербатим полностью состоит

из реальных монологов или диалогов обычных людей. Метод предполагает подготовку вопросов, интервью и сдерживание собственной позиции по отношению к исследуемой теме. Согласно А. Зензинову и В. Забалуеву это «техника, которая изначально сориентирована на пограничные, крайние состояния. Соответственно речь — о состояниях, где жизнь и смерть соприкасаются, чувствуют дыхание друг друга» [Вербатим...]. Произведения отличаются натурализм, сконцентрированность на фантомной и реальной боли, шокирующие подробности, социальность, моральное неравнодушие, речевая индивидуальность. Все эти черты присущи книге «Время секунд хэнд».

Монологи, вошедшие в книгу «Время секунд хэнд», записывались в течение десяти лет с начала 2000-х гг. Книга представляет собой полифонию голосов, смыслов, позиций, признаний людей, переживших опыт осознанной жизни в девяностые годы. О своей жизни рассказывают мужчины и женщины разного возраста и мировоззрения — коммунисты, демократы, номенклатурщики, диссиденты, ностальгирующие, протестующие, живущие для других, живущие для себя. Каков был авторский замысел? В предисловии к книге Светлана Алексиевич обозначила, что хочет по крупицам собрать память о жизни советского человека и исследовать историю «домашнего», «внутреннего» социализма: «Советская цивилизация... Тороплюсь запечатлеть ее следы. Знакомые лица. Расспрашиваю не о социализме, а о любви, ревности, детстве, старости. О музыке, танцах, прическах. О тысячах подробностей исчезнувшей жизни. Это единственный способ загнать катастрофу в рамки привычного и попытаться что-то рассказать. О чем-то догадаться. Не устаю удивляться тому, как интересна обычная человеческая жизнь. Бесконечное количество человеческих правд... Историю интересуют только факты, а эмоции остаются за бортом. Их не принято впускать в историю. Я же смотрю на мир глазами гуманитария, а не историка. Удивлена человеком...» [Алексиевич, 11].

Помимо этого в предисловии автор много рассуждает о свободе и неготовности к ней советского человека. «У коммунизма был безумный план — переделать “старого” человека, ветхого Адама. И это получилось... может

быть, единственное, что получилось» [Алексиевич, 7]. За 70 лет коммунизма человек стал советским, у него появились свой словарь, свое отношение к смерти. «Человек не замечал своего рабства, он даже любил свое рабство» [Там же, 8]. Автор пишет, что советского человека может понять только советский человек: «Мы были люди с одной коммунистической памятью. Соседи по памяти» [Там же, 9]. Когда система разрушилась, советские люди оказались предоставлены сами себе, великая идея исчезла, то началось испытание свободой. «Нам казалось, что свобода — это очень просто. Прошло немного времени, и мы сами согнулись под ее бременем, потому что никто не учил нас свободе. Учили только, как умирать за свободу. Вот она — свобода! Такую ли мы ее ждали? Мы были готовы умереть за свои идеалы. Драться в бою. А началась «чеховская» жизнь. Без истории. Рухнули все ценности, кроме ценности жизни... Свобода оказалась реабилитацией мещанства, обычно замордованного в русской жизни. Свобода Его Величества Потребления. Величия тьмы. Тьмы желаний, инстинктов — потаенной человеческой жизни, о которой мы имели приблизительное представление» [Там же, 9]. Таким образом, полагаем, что замысел Светланы Алексиевич состоял в том, чтобы показать драматизм и катастрофу выхода советского человека за рамки утопической системы, где он столкнулся с незнакомой для него свободой мысли и действия.

Светлана Алексиевич представляет нам истории не политические, а человеческие. Это многоголосие свидетелей слилось в единую историю о трагедии, разочаровании, «украденном времени» (по словам самой С. Алексиевич) и самоубийстве. Перед нами предстает эпоха с новыми характеристиками: обесценивание ценностей и идеалов, смещение акцентов с духовных на материальные ценности, коренные трансформации прежнего образа жизни и занятий, кардинальное переосмысление себя и своего места в жизни. По сути это революция. Автор показывает нам людей, для которых реформы девяностых, а точнее гибель империи, стали потрясением. В ряде интервью Светлана Алексиевич одобряет реформы девяностых, однако эта авторская позиция не является красной нитью повествования и не прослеживается в нем.

В историях просматриваются устойчивые черты. Так, герои говорят о том, что за величие своей страны можно и нужно платить нищетой и терпеть бедствие, что лучше великая, но бедная страна, чем невеликая, но богатая. В великой стране жить достойнее. Второе: драматические трансформации сродни самоубийству. В книге неоднократно затрагиваются судьбы людей, покончивших с собой. Они не вписались в новое время: гэкачепист маршал Ахромеев; старый фронтовик, страдающий от неблагодарных родственников; пожилая женщина — жертва бандитизма; четырнадцатилетний школьник и романтик Игорь и другие. Долгие годы интерес к микрокосму «маленьких» людей отсутствовал, — «государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь» [Алексиевич, 8], а когда его не стало, оказалось, что собственных идей нет, гибель империи внешней вызвал развал империи внутренней. Поэтому, по мысли автора, люди стали хвататься за старые идеи, старые предрассудки и иерархии. История о травме — красная нить повествования. Диссонанс между внешним и внутренним находил свое выражение в самых непредсказуемых формах, в том числе в самоубийстве. Помимо этого героев книги объединяет страх перед новой реальностью — страх не вписаться в нее, страх покинутости, страх перед правдой, страх беспомощности. Привычные границы исчезли, наступило время аномии. Девяностые в книге осмысляются и как попытка обрести свободу. Есть место ностальгии и счастью. Однако лейтмотивом чаще выступают человеческое горе, разочарование и тема испытания.

Герои для интервью и сюжеты из их жизни были отобраны автором согласно ее замыслу. По словам Светланы Алексиевич, она каждый раз ищет такую форму, чтобы автор не назидал, но оправдывал бы авторский выбор. Из ста страниц интервью для публикации она выбирает только полстраницы [Ты рядом...]. Выбор — это всегда отказ от внимания к одним феноменам в пользу других явлений. Даже если автор стремится к объективности и старается добиться плюрализма мнений, работая над художественно-документальной книгой, он неизменно вносит в нее свое видение и отношение. По определению А. И. Миллера, политика памяти — это набор приемов и методов для

утверждения определенных интерпретаций исторических событий [Миллер]. Политику памяти, по мысли А. И. Миллера, проводят политические силы, находящиеся у власти, для утверждения необходимых убеждений они имеют административные и финансовые ресурсы государства.

Политике памяти свойственно акцентировать внимание на одних сюжетах и замалчивать или маргинализировать другие. Мы считаем, что писатель является одним из акторов политики памяти, создавая свой образ девяностых. В данном случае бестселлер «Время секунд хэнд» является инструментом авторской политики памяти. Несмотря на то что Светлана Алексиевич представляет нам истории героев со своей правдой без какой-либо оценки, отбирая истории для повествования, она подводила их под собственные размышления о феномене советского человека в советской и постсоветской реальности. Избранные сюжеты стимулируют размышление о культуре жертвы, о практике адаптации советского человека в новую реальность с новыми, порой диаметрально противоположными ценностями и о травмах, которые он при этом получил. По нашему мнению, автор хотела показать непарадную часть истории о девяностых и сконцентрироваться на крайних состояниях, маргинальных сюжетах, где тема травмы звучит наиболее отчетливо, так как предполагаем авторскую позицию: в постсоветском обществе травма преобладает над памятью; одним свойственно героизировать память о времени перемен, другим — дегероизировать.

Светлана Алексиевич, вероятно, отбирая истории для книги, желала, чтобы читатель признал травму общества. Проблематика культурной травмы многомерна и имеет междисциплинарный характер, ее исследуют психология, теория литературы, история, культурология. В работах К. Карута и Ш. Фелмана [Пономарева] важной формой познания травмы становится нарратив, травма рассматривается американскими исследователями как языковая репрезентация. По признанию Светланы Алексиевич, она пишет «историю чувств. Можно еще назвать это пропущенной историей. Что человек думал, понимал и запоминал во время события? Во что верил или не верил, какие у него были иллюзии, надежды, страхи? Что

понял о себе и о мире... Это то, что невозможно вообразить, придумать, во всяком случае в таком количестве достоверных деталей и подробностей. Мы быстро забываем, какие мы были десять, двадцать или пятьдесят лет назад. А иногда стыдимся или сами уже не верим, что так оно с нами и было. Искусство может солгать, а документ не обманывает... Хотя документ — это тоже чья-то воля, чья-то страсть» [В поисках...]. По мысли А. Ассман, «прошлое больше не является местом, где автоматически нейтрализуются эмоции и стирается опыт, напротив, прошлое невозможно более отделить от человеческих переживаний и поступков, от индивидуальных и коллективных страданий, в том числе, а возможно и в первую очередь, тех, которые не оформлены соответствующим культурным нарративом» [Артеменко]. Также, по мысли А. Ассман, малые или большие социальные группы конструируют «коллективную идентичность» — коллективный автопортрет на основе коллективного нарратива, ключевых событий, культурных артефактов, значимых мест. Таким образом, по нашему мнению, книга «Время секунд хэнд» действует в логике интериоризации — содействует «присвоению» чужой памяти, включению чужих событий в персональный опыт читателя, что, в свою очередь, содействует построению коллективной идентичности.

Метод Светланы Алексиевич — это яркая деталь, исповедально-покаянная манера повествования, внимание к микрокосму человека, эмоциональность. С помощью него автор смогла добиться пронзительности, убедительности и вызвать у читателя сопереживание. Светлане Алексиевич характерно все показывать через детали, так как, по ее словам, многое забудется, но именно яркие детали из жизни и судьбы останутся в памяти. Из интервью Светланы Алексиевич «Российской газете»: «Помню фантастическую деталь из рассказа женщины, как их везли в ГУЛАГ в товарняке, затем она прошла войну, а потом решила ехать на строительство БАМа, и их туда повезли в тех же вагонах, с той же дыркой в полу» [Яковлева]. Автор уловила яркую деталь, и она стала частью ее представления о жизни в конкретный исторический период. Эта деталь посредством публикации книги получила возможность мультиплицироваться

и стать частью представлений многих читателей.

Память позволяет человеку поддерживать устойчивое представление о самом себе. Коллективная память не требует проживания опыта отдельного человека каждым из ее носителей, но при этом также работает на формирование и/или поддержку представления человека об обществе, в котором он живет или наследником которого является. Таким образом, документально-художественная книга, активно функционирующая в общественном пространстве, имеет значительный потенциал для того, чтобы влиять на коллективную память.

Свое представление о феномене советского человека и произошедшей с ним трагедии Светлана Алексиевич выражает и за счет компоновки документально-художественных историй в крупные блоки с такими названиями, как «Утешение апокалипсисом» и «Обаяние пустоты». Многие истории озаглавлены антагонистично; в заглавиях встречаются палачи и жертвы, милостыня и похоть, красота и диктатура, шепот и крик, убийство и служение Богу. Конструкция книги такова, что полярные мнения и истории намеренно противопоставляются. Эти обстоятельства не позволяют читателю остаться отстраненным наблюдателем и подталкивают его к сопереживанию разным, зачастую противоположным, правдам.

Книга «Время секонд хэнд» пронзительная, тяжелая и притягательная. Сам факт документальности книги может вызывать доверие к изложенным сюжетам и делать их убедительными. Соавтором книги являются реальные время и история. Книга не претендует на всеобъемлющий взгляд на девяностые, но показывает одну из граней памяти об опыте перехода советского человека в постсоветское пространство. Как случается с художественными произведениями, книга «Время секонд хэнд» вызывает самые различные, полярные интерпретации и оценки. Мы склонны предполагать, что фокус книги выходит далеко за рамки девяностых годов, так как часть историй посвящена событиям, произошедшим в 30-е гг. Художественно-документальное повествование ведется не столько о последствиях капитализма или благах потерянного социализма — оно о сущности человека в переломное время

радикальных реформ, о переделке «старого» человека. На одной чаше весов вечные ценности — добродетель, честность, любовь, вера, духовность, терпение, мужество, на другой — человеческая жестокость, зависть, жадность, предательство, трусость, ненависть.

По мысли автора, время перемен выводит весы из равновесия. Нестабильность, потеря привычных ориентиров, обесценивание, отсутствие гарантий для безопасной жизни стимулируют человека проявлять основные инстинкты. Количество травмирующих ситуаций во время перемен возрастает. Но автор никого в этом не винит — таковы обстоятельства переходного времени. По мысли Светланы Алексиевич, человек наиболее проявляет свои скрытые и основные стороны именно в экстраординарных ситуациях, на границе жизни и смерти, оказавшись в ситуации опасности и нестабильности. По нашему мнению, именно этому размышлению подчинен авторский выбор героев и деталей их судеб. С. Алексиевич продолжает традиции русской классической литературы, обращаясь к теме «маленького человека» на протяжении порядка 40 лет. Она отказывается от идеализации и представляет его противоречивым, что делает образ правдивым и многогранным. С. Алексиевич приоткрыла занавес над тайной: кто же такой «красный человек» — «маленький человек, без которого невозможна история, но которого никогда не спрашивают» [Кучерская]? Возможно, этим обусловлен высокий интерес к книге в России и за рубежом.

Конфликт, вызванный попаданием «старых» людей в «новые руки», неготовность к свободе, неспособность к новой жизни — это и есть, по нашему мнению, образ 90-х гг. в книге «Время секонд хэнд». Время секонд хэнд — это закономерный период, наступающий после резкого слома прежней системы жизни, когда новые ценности еще не приняты и не усвоены большинством граждан, а только утверждаются или насаживаются на устаревшую картину мира. Это время травмирующих событий и краха или трансформаций прежних смыслов и идентичности, это время разобщенности, драматичное время. Для его интерпретации и трактовки большое значение имеют рамки, задаваемые коллективной памятью, именно на их фоне то или иное событие

воспринимается как травмирующее. Книга «Время секонд хэнд» — это попытка оценить травмирующие события и трансформацию идентичности, создать новый нарратив и найти язык, вербализующий культурную травму. Описание болезненного опыта не вписывается в обыденность. И литература оказывается той

силой, что дает жертвам «голос». Проговоренность боли посредством художественных образов, вероятно, может содействовать преодолению полученной травмы. По нашему мнению, по мере увеличения дистанции от исследуемых событий будут меняться и их восприятие, интерпретация и оценка.

Список источников

- Автухович Т. Жизнь в утопии и после нее, или Риторика утопического дискурса и массовое сознание // Истинность и ложность утопии. Вопросы утопических дискурсов. Siedlce. 2016. С. 191–206.
- Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Журнальный зал. 2016. URL: <https://goo.gl/Ecuwwe> (дата обращения: 10.10.2021).
- Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социол. журн. 2012. № 3. С. 5–40.
- Алексиевич С. Время секонд хэнд. М.: Время, 2016. 512 с.
- Артеменко Н. А. Время, память, травма: между бытием и небытием // Studia Culturae. 2018. № 2 (36). С. 124–136. В поисках вечного человека // Светлана Алексиевич. Голоса страны Утопии. URL: <http://alexievich.info/> (дата обращения: 09.10.2021).
- Вербатим: метод. URL: <https://teatrdoc.ru/doc/> (дата обращения: 11.10.2021).
- Время секонд хэнд Светланы Алексиевич // Лайвлиб 2006–2021. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000734536-vremya-sekond-hend-svetlana-aleksievich> (дата обращения: 08.10.2021).
- Гурска К., Коваленко А. Г. Образ времени в книге С. Алексиевич «Время секонд хэнд»: своеобразие художественного конфликта // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2019. Т. 24, № 1. С. 54–64.
- Крылов В. Н. «Документ должен жить по законам искусства» (история «домашнего» социализма в книге Светланы Алексиевич «Время second-hand» // Вестн. Тат. гос. гуманит.-пед. ун-та. 2014. № 3 (37). С. 250–253.
- Кучерская М. Полный секонд-хэнд // Неделя. 2013. 18 окт. С. 3.
- Местергази Е. Г. О «документальных» жанрах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Русская филология». 2007. № 2.
- Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 : Историческая политика. С. 6–23.
- Огороков А. В., Перепелкин Л. С. Почему человек? Размышления о книге Светланы Алексиевич «Время секонд хэнд» (М.: Время, 2013. 512 с.) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета : науч.-практ. журн. 2014. № 3. С. 87–93.
- Пономарева А. М. Теория культурной травмы как актуальная исследовательская перспектива: введение в тематический раздел // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11 : Социология : реф. журн. 2015. № 3. С. 5–19.
- Рецензии на книгу «Время секонд хэнд» Светланы Алексиевич // Холдинг «Лабиринт». URL: <https://www.labyrinth.ru/reviews/goods/405959/> (дата обращения: 10.10.2021).
- Степень неготовности. Анна Наринская о «Времени секонд хэнд» Светланы Алексиевич // Коммерсантъ. 27.06.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2496703> (дата обращения: 11.10.2021).
- Тихонова П. Советский чат // Независимая газета. 23.01.2014. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-01-23/5_secondhand.html (дата обращения: 09.10.2021).
- «Ты рядом с котлеткой по значимости и не мечтай встать»: Интервью писательницы Светланы Алексиевич // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/30/ty-ryadom-s-kotletkoj-po-znachimosti-i-ne-mechtay-vstat> (дата обращения: 08.10.2021).
- Яковлева Е. Прощание с красным человеком // Российская газета. № 202 (6178). URL: <https://rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html> (дата обращения: 10.10.2021).
- Якубова Н. Вербатим: дословно и дотекстуально // Театр. 2006. № 4. С. 38.

References

- Avtukhovich, T. (2016). Zhizn' v utopii i posle nee, ili ritorika utopicheskogo diskursa i massovoe soznanie [Life in and after utopia, or the rhetoric of utopian discourse and mass consciousness]. *Istinnost' i lozhnost' utopii. Voprosy utopicheskikh diskursov*. Siedlce, 191–206.
- Aierman, R. (2016). Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Cultural trauma and collective memory]. *Zhurnal'nyi zal*. URL: <https://goo.gl/Ecuwwe> (accessed: 10.10.2021).
- Aleksander, D. (2012). Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3, 5–40.
- Aleksievich, S. (2016). *Vremya sekond khend* [Secondhand Time: The Last of the Soviets]. M.: Vremya. 512 p.
- Artemenko, N. A. (2018). Vremya, pamyat', travma: mezhdru bytiem i nebytiem [Time, memory, trauma: between being and non-being]. *Studia Culturae*, 2 (36), 124–136.

V poiskakh vechnogo cheloveka [In search of the eternal man]. Svetlana Aleksievich. Golosa strany Utopii. URL: <http://alexievich.info/> (accessed: 09.10.2021).

Verbatim: metod [Verbatim: method]. URL: <https://teatrdoc.ru/doc/> (accessed: 11.10.2021).

Vremya sekond khend Svetlany Aleksievich [Secondhand Time Svetlany Aleksievich]. Laivlib 2006–2021. URL: <https://www.livlib.ru/book/1000734536-vremya-sekond-hend-svetlana-aleksievich> (accessed: 08.10.2021).

Gurska, K., Kovalenko, A. G. (2019). Obraz vremeni v knige S. Aleksievich «Vremya sekond khend»: svoeobrazie khudozhestvennogo konflikta [The Image of Time in S. Aleksievich's Book «Secondhand Time: The Last of the Soviets»: the Uniqueness of the Artistic Conflict]. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 24, 1, 54–64.

Krylov, V. N. (2014). «Dokument dolzhen zhit' po zakonom iskusstva» (istoriya «domashnego» sotsializma v knige svetlany Aleksievich «Vremya second-hand» [The document must live according to the laws of art" (the history of "home" socialism in the book by Svetlana Aleksievich "Secondhand Time: The Last of the Soviets"]. Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, 3(37), 250–253.

Kucherskaya, M. (2013). Polnyi sekond-khend [Complete second-hand]. Nedelya, 18 oct., 3.

Mestergazi, E. G. (2007). O «dokumental'nykh» zhanrakh [About «documentary» genres]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya», 2.

Miller, A. I. (2009). Rossiya: Vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. Pro et Contra, 3–4: Istoricheskaya politika, 6–23.

Okorokov, A. V., Perepelkin, L. S. (2014). Pochem chelovek? Razmyshleniya o knige Svetlany Aleksievich «Vremya sekond khend» (M.: Vremya, 2013. — 512 s.) [How much is a man? Reflections on Svetlana Aleksievich's book «Secondhand Time: The Last of the Soviets»]. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Nauchno-prakticheskii zhurnal, 3, 87–93.

Ponomareva, A. M. (2015). Teoriya kul'turnoi travmy kak aktual'naya issledovatel'skaya perspektiva: vvedenie v tematicheskii razdel [Cultural trauma theory as a current research perspective: an introduction to the thematic section]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. Referativnyi zhurnal, 3, 5–19.

Retsenzii na knigu «Vremya sekond khend» Svetlany Aleksievich [Reviews of the book «Secondhand Time: The Last of the Soviets» by Svetlana Aleksievich]. Kholding «Labirint». URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/405959/> (accessed: 10.10.2021).

Stepen' negotovnosti. Anna Narinskaya o «Vremeni sekond khend» Svetlany Aleksievich [The degree of unavailability. Anna Narinskaya about «Secondhand Time: The Last of the Soviets» by Svetlana Aleksievich]. Kommersant. 27.06.2014. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2496703> (accessed: 11.10.2021).

Tikhonova, P. (2014). Sovetskii chat [Soviet chat]. Nezavisimaya gazeta. 23.01.2014. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-01-23/5_secondhand.html (accessed: 09.10.2021).

«Ty ryadom s kotletkoi po znachimosti i ne mechtai vstat'» Interv'y u pisatel'nitsy Svetlany Aleksievich [“You are next to the cutlet in importance and do not dream of getting up” Interview with the writer Svetlana Aleksievich]. Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/30/ty-ryadom-s-kotletkoy-po-znachimosti-i-ne-mechtay-vstat> (accessed: 08.10.2021).

Yakovleva, E. (2013). Proshchanie s krasnym chelovekom [Farewell to the red man]. Rossiiskaya gazeta, 202(6178). URL: <https://rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html> (accessed: 10.10.2021).

Yakubova, N. (2006). Verbatim: doslovnno i dotekstual'no [Verbatim: literally and textually]. Teatr, 4, 38.

Сведения об авторе

Лопата Александра Сергеевна — старший научный сотрудник научного отдела Музея Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Alexandra S. Lopata — senior researcher of the Scientific Department of the Museum of the first president of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021;
принята к публикации 15.12.2021

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 30.11.2021;
accepted for publication 15.12.2021